

№ 3 (42).

Из Архангельска в Москву. 1250 верст на лыжах!

В конце декабря 4 лучших лыжника и бегуна, т. т. Л. Л. Бархаш (снят отдельно наверху), П. П. Скалкин

А. Н. Хитров и И. И. Гребенщиков (на общем снимке) вышли из Архангельска на лыжах по направлению к Москве. В настоящее время получены сведения от участников пробега, что полпути пройдено ими благополучно. Все здоровы. Мешают пробегу дикие звери — рыси и волки. Серьезным препятствием явилась также незамерзшая река, которую лыжникам пришлось пройти в брод. Население встречает участников пробега приветливо.

СТРОИТЕЛЯМ.

Стихотворение Т. Щепкиной-Куперник.

Сперва хижина твоя?

Не отдашь же у крыльца родного:
Вилы свой посох в руки снова,
Или опять себе жилья.

Надвинулись утренней порой,
Берешь ты с песнею за дело;
Светит в глаза работе мелод,
Трудясь без устали—и строй!

Или источник воды,
Или теплые каменья...
Судьба за бойкий дар терпенья
Вознаградит твои труды.

И тыстроишь новый дом,
И новый сад создашь в пустыне,
Судьба замеркнувшей святине
Любовью, правдой и трудом!..

Т. Щепкина-Куперник.

В МУТНОЙ ВОДЕ.

Рассказ Юрия Волина.

— Еще этого не хватало! И кто вас направил сюда? Это предательство! Это чорт знает что! Город эвакуируется! Через несколько часов, может быть, город будет в руках белых! Надо вывести ценное имущество, надо отправить советские учреждения, партийных работников. Паровозов не хватает. Мы разрываемся на части. И в это время... Нет! Это же просто неосуществимо!.. В это время—здравствуйте, к нам пожаловали артисты! Два раскрашенных вагона с каким-то передвижным «агит-театром»... А?.. Ну, что я с вами буду делать?

Так горячился комендант станции. Приехавшие циркачи были смущены. Только Пригожев, «заведующий» и

«уполномоченный», режиссер и главный администратор (все предприятие так и называлось: «пригожевский передвижной агит-театр»), только Пригожев был спокоен и даже весел.

— Не волнуйтесь, товарищ комендант!— отвечал он,—ведь мы не требуем немедленной прицепки. Занесите нас в очередь. Мы здесь и пригрозить можем, кто знает?..

Коменданта это успокоило, а труппу еще больше смутило и взволновало.

— Ты с ума сошел, Пригожев!— наступали со всех сторон на распорядителя.— Сразу сдал позиции! «Занесите нас в очередь»!.. В какую очередь?.. В последнюю?.. Что бы нас захватили здесь белые?.. Ты просто балда, Пригожев!

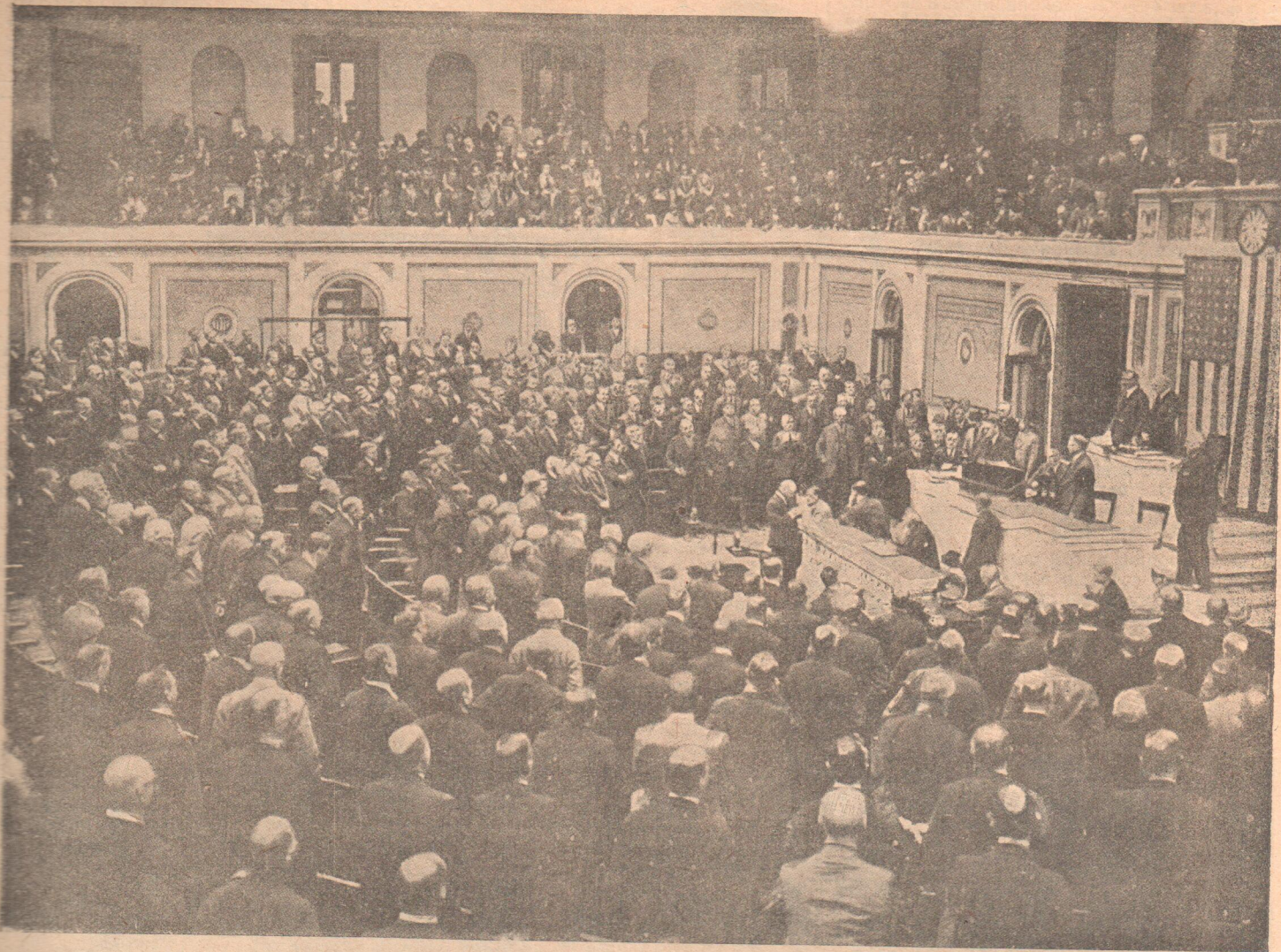
АНГЛИЙСКИЙ „ОСТРОВ СЛЕЗ“.

Фот. Р.-Р.-Н.-S.

Достаточно знаком всему миру американский остров Эллис-Айленд—у въезда в Нью-Йорк. В английской гавани Саутгемптон существует такой же остров, где въезжающие в Англию эмигранты подвергаются унизительным осмотрам и испытаниям. Недели в неделю грохочет гремёт чем несчастным выходцам из России, Австрии, Польши и др. гих стран разрешают сойти на «благословенный» Британский берег. Строгости относятся не только к въезжающим в Англию искателям призрачного счастья, но и к следующим в Америку и грохочущим таким образом: два или более осмотра эмигрантам. На нашем снимке—несколько русских и польских семейств, запертых в бараках этого острова и ожидающих санитарного осмотра.

Советская Россия и Америка.

На нашем снимке—памятное заседание американского конгресса, где оглашалось известное обращение президента Куллиджа, послужившее поводом для ноты Г. В. Чичерина и клеветнического выступления государственного секретаря Юва. Члены конгресса стоя выслушивают речь Куллиджа (на ораторской трибуне).

Индейцы в Лиге Наций.

Парижские и лондонские затравилы международной политики очень любят инсценировать различные делегации из далеких и мало кого интересующих стран. Это должно повидимому свидетельствовать о незероятном авторитете «Верховного Совета» и других мишурных организаций Лиги Наций среди всякого рода туземцев. Снимок с прибывшей в Лондон делегации ирокезов последние вымирающие краснокожие достаточно беждают в том, что эти хорошо одетые «индейцы» с чемоданами уже достаточно оторвались от забытых американских кочевников и делегированы от своего собственного имени.

Пригожеву
хоть бы что-
Смеясь, огрыз!
нул:

— Труссы вы-
товарищи!..
Испугались за-
паха пороха!..
Просились на
фронт, а как
подошли побли-
же, пускаетесь
в бега!.. «За-
хватят»... Да
кто вас захва-
тит этаких?..
Очень вы нуж-
ны Врангелю!..
И чтобы по-
кончить с этим
вопросом, ав-
торитетно за-
ключил:

— Наконец,
ответствен-
ность на мне од-
ном. На мне, не
на вас. Я знаю,
что делаю.

Труппа—две-
надцать муж-
чин и восемь
женщин — ра-
стерянно поки-
нула помеще-
ние коменданта
станции и по-
брела к своим

Первый фашистский выстрел в Польше.

От варшавского корреспондента «Огонька».

Недавно демократическая Польша на огочисленных митингах и собраниях чтит память коварно убитого год тому назад первого президента Польской Речи-сполитой, Нарutowича.

Нарutowич прибыл в Польшу с лучшими зетами западно-европейского профес-ского демократизма. Он верил в демо-

кратию и мечтал привить ее в Польшу, куда он поспешил на первую весть о ее освобождении и бросил науку, университет и друзей.

Нарutowич слишком долго находился вне границ Польши.

Ему были неизвестны те начала, которые внесли в

вобожденную Польшу ученики трех гущественных монархов—царской Рос-

сии, вильгельмовской Германии и габсбургской Австрии.

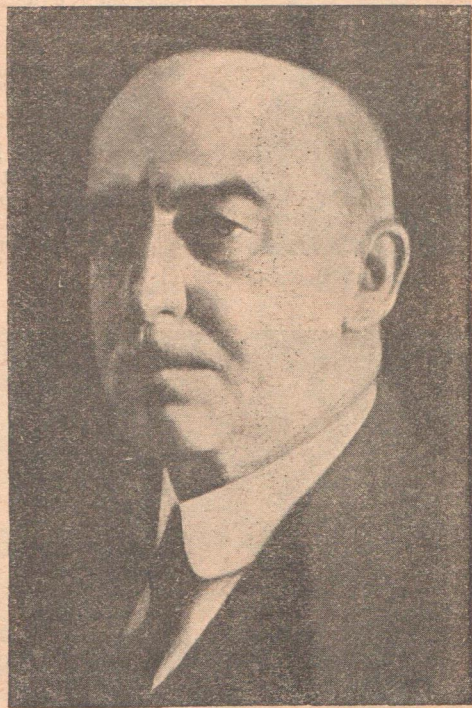
Свое неведение Нарutowич окупил ценою жизни 16-го декабря 1923 г. в зале осенней художественной выставки, на открытие которой он прибыл.

Убийца Нарutowича, художник Невядомский впитал в себя весь яд современной разлагающейся Польши. Воспитанный на заветах бойкота евреев, погромов и вильгельмовского ausrotten, которое стало альфой и омегой польской политики, всецело осуществляемой на украинской, белорусской и других окраинах, неудачник Невядомский, страстно мечтающий о вечной славе, этот Герострат современной Польши, удачно избрал цель для своего выстрела. Против Нарutowича вела ужаснейшую травлю польская реакция за то, что Нарutowич, избранный голосами, среди которых были голоса нацменьшинств, без всяких колебаний принял пост президента.

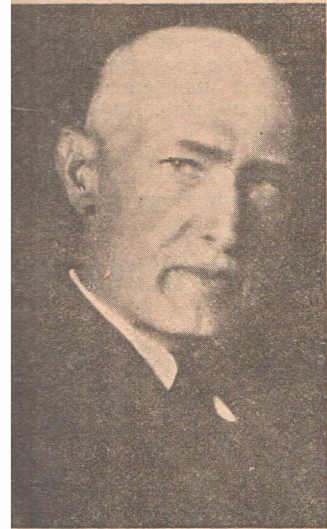
Невядомский решил отомстить человеку, который мог принять высший пост в Республике из рук «евреев и врагов Польши».

Невядомский добился своего. Его выстрел в спину первого польского президента был одобрен польскими фашистами и признан первым фашистским выстрелом в Польше. Расстреленный после суда Невядомский был канонизирован польскими фашистами и его могила стала Меккой для всякого рода фашиствующих студентов, неоперившихся поручиков и истерических старых дев.

И. Мечиславский.

Первый польский президент Нарutowич, предательски убитый Невядомским.

Художник-фашист Невядомский.

ПРОБУЖДЕНИЕ ВОСТОКА.

От самаркандского корреспондента «Огонька».

Ангарова просто и искренне ответила — Непокойно на душе, Пригожев. Я да быть с вами, слушать вас. Но, пой-те Пригожев, время, обстановка... не-покойно на душе, Пригожев!

Пригожев посмотрел ей прямо в глаза двумя большими серыми выразительными глазами:

— Вы мне верите, Надя?

— Верю,—тихо отозвалась она.

— Знайте же. Я делаю так, как надо. и рассказывать не будете.

Она замолчала. И долго после этого ли они молча.

Улицы были пустыны. Многие ставни или закрыты. Из редких окон выгляды-ли,—осторожно, бочком—испуганные физиономии.

На одном перекрестке стоял грек с кор-ной арбузов и дынь.

— Хотите дыню, Надя?

— Хочу.

Но торговец, не допуская дотронуться, просил:

— А какой деньга платить будишь?

Пригожев, передразнивая его, отозвал-

— А какой деньга получать будишь?

— Николаевки давай, керенки давай, савецки давай, савецки не берем!

Пригожев вынул из кармана николаев-ую ассигнацию—целую пачку николаев-ых ассигнаций—получил сдачу, захва-ил дыню.

— Откуда у вас такие деньги, Приго-же?—спросила Ангарова.

— Я, милая, человек запасливый и осто-ренный,—отозвался Пригожев.—Вы еще знаете меня.

V.

Она узнала его, спустя час, в доме его

Их встретили радушно, хорошо накор-

— Моя невеста, Надежда Львовна Ан-

— так отрекомендовал девушку При-

Слева на право: стоит докладчик областного суда т. Абулаев. сидят, председатель угорис-полкома т. Мирджамалов, секретарь т. Князов и зав. отделом управления т. Богданов.

Одним из печальных пережитков прош-лого Туркестана являются суды «Шариат-Казы», сохранившиеся в мусульманских массах до настоящего времени.

Шариат—национальный местный ду-ховный суд, решающий дела на основании законов, основанных на коране. Ясно, что при сохранении этих судов усиливалась и руководящая власть мусульманского духовенства.

После революции Туркестан сбрасывает с себя старые путяи, что всего знамени-тельнее, начинают просыпаться и те гро-

мадные (крестьянские) массы, которые много веков находились под религиоз-ным гипнозом мулл. Это пробуждение, между прочим, ярко выявляется в Самар-кандской области и в том, что мусульман-ское население все реже и реже стало обращаться к духовным судам, заменяя их судами советскими.

На нашем снимке Самаркандский угор-исполком выслушивает доклад члена кол-легии Самарк. Обл. суда о работе среди кишлачного (деревенского) населения—ста-рого суда.

Греческие перевороты.

Фот. А. N.P. Paris.

Наверху — здание греческого парламента, где «творятся» миниатюрные революции.

Ниже — портрет Элефтерия Венизелоса, многолетнего греческого премьера и верного раба Антанты, получившего от афинского парламента приглашение снова приехать и править Грецией.

Тут ценное имущество, народное достояние, поместить некуда, а они зеркала и канареек вывозят!.. Где комендант?.. Кто здесь распоряжается?..

Пути станции были похожи на узенькие улочки среди тесно примыкающих друг к другу низеньких домов. Древне-азиатским селением казался вокзал. И горячее солнце, и невероятная толчея, и смесь широкими со смехом и песней, и пестрота одежд, и повышенный темп жизни внутри вагонов-вагонов и вокруг в улицах-щелях, — все это создавало впечатление ярмарки в густонаселенном восточном городе.

Тревоги не было; она рассосалась в нарядной деловой суете. Казалось, эвбуляция — нечто «в порядке вещей», хлопотное и нелегкое, но не потрясающее. Было так потому, что уезжали в большинстве люди, легкие на подъем, не обывательской складки, привыкшие переноситься с места на место со своими узлами, удерживая в руках литературу... Уезжали ответственные работники советских учреждений, партийцы, уполномоченные столичных кооперативов, прибывшие для заготовки продовольствия, многочисленные ревизоры, инструктора, обследователи — все люди с большими мандатами, маленьким багажем и постоянной готовностью сорваться с места.

Не было ни тревоги, ни страха, ни даже

город! Сегодня сдали, завтра — назад возьмем! Видели мы эти штуки!..

III.

У раскрашенных вагонов «передвижного агит-театра» собралась вся труппа.

Не было только Пригожева.

— А где Пригожев? — спрашивали друг друга.

— Хлопочет.

Он, что бы вы ни говорили, малый с башкой!.. Уж будьте благонадежны, он все устроит, как нельзя лучше!

Труппа уже не волновалась. Чего в самом деле нюни распускать? Не одни, ведь! Целый город в таком положении, как они! На миру и смерть красна!

— Одна беда: хлеба нет! — напомнил кто-то.

Это, действительно, было большим осложнением. Могли ли они думать, что надо запастись продуктами? Они покинули Москву месяц перед тем. И уже за Харьковом привыкли не запастись хлебом: на любой станции было вдоволь всякого продовольствия. Они наслаждались этой жизнью «без запасов», совсем, «как когда-то»...

— На вокзале ни за какие деньги ничего не достанешь, — заметил один.

— Я уже отвыкла голодать, — melancholически сказала худенькая певица.

Все разрешилось с появлением Пригожева.

Он пришел бодрый, оживленный.

— Ну, товарищи! — весело заговорил он. — Неприятель еще далеко. Раньше чем через два-три дня его не ждут. Я думаю сходить в город, повидаться кой-с кем.

— А если нас в это время увезут? — встревоженно заметил кто-то.

— Как же! Жди! Так тебя первого и повезут! Уж во всяком случае, сутки нас не тронут!.. Я все узнал. Я отправлюсь в город. Кстати, накуплю кой-чего съестного.

— Вот это дело! — обрадованно подхватили в труппе. — Побольше захвати. Возьми с собой кого-нибудь.

— И и сам так думал. Только мужчинам неудобно. Нужны пропуски. Я добыл только для себя. Товарищ Ангарова, вы пойдете со мной?

Ангарова смутилась, покраснела. Потом сделала усилие над собой, выступила вперед:

— Отчего же... я с удовольствием, товарищ Пригожев.

Они ушли.

Их провожали улыбающимися, многозначительными и взглядами, а когда они отошли подалее, рядом с ними замечали

Еще бы. Кто же не знал, что красивый и ловкий Пригожев давно наметил стройную, гибкую с египетским профилем танцовщицу Ангарову.

И многие успели заметить, что и эта странная, замкнутая в себя, молчаливая красавица понемногу начинает сдаваться и не без удовольствия остается наедине с Пригожевым.

— Их частное дело! — такой вывод сделал комик Самарин. — Только бы про хлеб не забыли... И баклажаны прихватили бы! Страсть люблю баклажаны!

IV.

Солнце уже заходило, когда Пригожев и Ангарова пересекли привокзальную площадь и пошли по улице.

— Послушайте, товарищ Пригожев, — начала разговор Ангарова. — Давайте, в первой лавочке накупим всего что нужно и пойдем назад.

Пригожев спокойно ответил:

— Напротив, милая, я совсем не намерен торопиться. У меня здесь родные, дядя и тетка, мы зайдем к ним.

Ангарова тревожно спросила:

— Это далеко?

— Да, не близко.

Девушка остановилась.

— Как же?.. Ведь... Послушайте, Пригожев, ведь, будет темно...

— А, вы боитесь темноты, голубушка моя? Почему же вы меня не предупредили? Я пригласил бы кого-нибудь другого. Скажем, Лидову...

— Я ничего не боюсь, товарищ Пригожев, — с внезапной строгой серьезностью заговорила Ангарова — я ничего не боюсь, кроме одного: быть отрезанными от наших... Ведь, я думаю, вечером запрещено ходить, военное положение...

— У меня есть пропуски.

— Потом, товарищ Пригожев... Ведь, они ждут!.. Они есть хотят!

— Пустяки. Поголодают немного. Отъелись, слава богу!.. В Москве раз в три дня обеды, а тут жрут, жрут, не нажрутся!

— Однако, Пригожев...

Пригожев остановился, взял Ангарову за руку.

— Милая вы моя! Не будьте такой скучной! Посмотрите, какая великолепная погода... Какая красота кругом!.. Давайте, забудем о делах. У нас есть так много о чем говорить.

Греческие перевороты.

Фот. P.-P.-N.-S.

После войны 1914—1918 г.г. Греция переменяла уже несколько королей и президентов разные партии то и дело свергают кабинеты, министры меняются в креслах построенного в стиле Акрополя парламента и казематах соответствующей тюрьмы. Сейчас из Афин снова выгнали короля Константина за две недели уже успело смениться два президента престола

е же поднялась, оглянулась, вышла арка. Вазу бросилось в глаза какое-то бодрое явление в городе: открытые лавки, веселое подвод, кучки людей, горячо ждающих что-то. Вдруг, неожиданной вестью о спасении слышь звуки Интернационала... Знаю она не в плену, город не в руках бе- она не отрезана от своих... Вазу окрепнув от этого сознания, она же пошла по улице, остановилась у афишей—приказом военкома: «Не- тетельский отряд уничтожен. Эвакуа- отменяется. Граждане призываются к обновлению мирных занятий»... Товарищ, как пройти на вокзал?— сказала Ангарова у стоящего рядом с возле афиши человека. Все с вокзала, а вы на вокзал,— усмех- ся тот. Она не стала пускаться в объяснения, а дорогу и побежала.

VII.

того она никак не могла ждать: При- ев был здесь, сидел за своей контор- кой, писал что-то. Он увидел ее. Тень прошла по его лицу. Он спросил: Товарищ Ангарова, где изволили падать? Она ничего не ответила. Ненависть и раздражение сдавили горло. Если бы они были одни, она, может быть, подошла бы к нему, ударила его, плюнула бы в лицо. Только через несколько минут она отоз- влась. Сказала громко и спокойно: Гражданин Пригожев, вы бы сделали лучше, если бы сдали кому-нибудь дела и суммы. Пригожев как-то странно фыркнул, бро- сив на нее огненный взгляд, встал: Бедная Ангарова со страху спятила ума... Надо пригласить врача... В сосед- ном вагоне есть врач. Одну минуточку, я час вернусь с ним. Пригожев вышел. Держите его!—крикнула Ангарова.— Предатель, предатель!.. Бежал!.. Товарищи жалостно смотрели на нее: прямо рехнулась, бедняжка! Конечно, кто не побежал в догонку за Пригоже- вым. Так исчез он навсегда, оставив трушу средств и даже без удостоверений и ман- гов и прав на «прицепку»... все было у него, как у ответственного распоряди- теля...

Ю. Волин.

На улицах Берлина.

Фот. Дж. Грауденц.

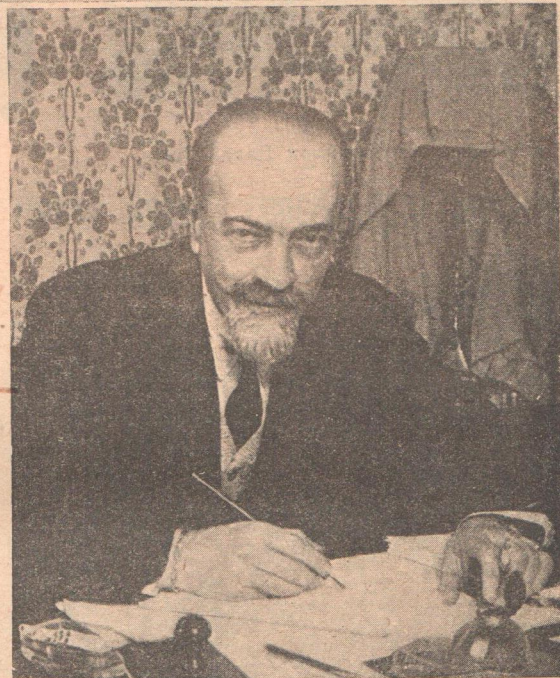
«Сокращенный» органист одной из берлинских церквей, установив- ший на лице небольшой орган добывая этим себе пропитание, а также доставляя развлечение толпе собравшихся вокруг него еще не приспособившихся безработных.

Г. К. Романов — приказчик лондонского ювелирно-антик- варного магазина.

Лишенные своего величия, бы- лые наследники императорского престола проявляют свою ини- циативу и способности во всех отраслях непроизводительного труда.

Печальной памяти Александр Михайлович Романов, сиятель- ный авантюрист, вызывавший своими спекуляциями ропот даже придворного Петербурга, теперь объявил себя... пророком. Быв- ший любимец Николая и «па- трон» императорских аэроклубов, скаковых и благотворительных обществ основал сейчас «Союз душ» и создает из десяти эк- зальтированных поклонниц но- вую «секту», вернее кружок для тех или иных «радений». На фо-

А. М. Романов, объявивший себя... «пророком».

тографии этот Романов, из последних изображен в своем па- рижском кабинете за серьезной и достойной его бывшего приятеля Распутина «философской» работой.

Другой отпрыск «царствующей» фамилии, Георгий Кон- стантиневич избрал себе более производительную специаль- ность. По рекомендации своей родственницы—королевы ан- глийской—он поступил на службу в крупный лондонский юве- лирно-антикварный магазин. Наш снимок дает портрет экс- выссопоставленного юноши за приемом покупателей.

ХИРОМАНТКА—В КВАРТИРЕ 39.

Рассказ М. Козакова.

Такая надпись—водянистыми, расплывшимися чернилами— под аркой ворот на стене, где висит полинявшая доска с из- вещениями домоуправления, а лентой с улицы—над на- весом кавказского погребка построены оттиском каучуко- вых букв и наклеены белые бумажки:

Известная всему Петрограду психолог и хиро- мантка.

20-тилетняя практика.

По линиям рук и чертам лица с детства определяю всю судьбу, склонности и способности людей.

Оправдание Жермены Бертон.

VI.

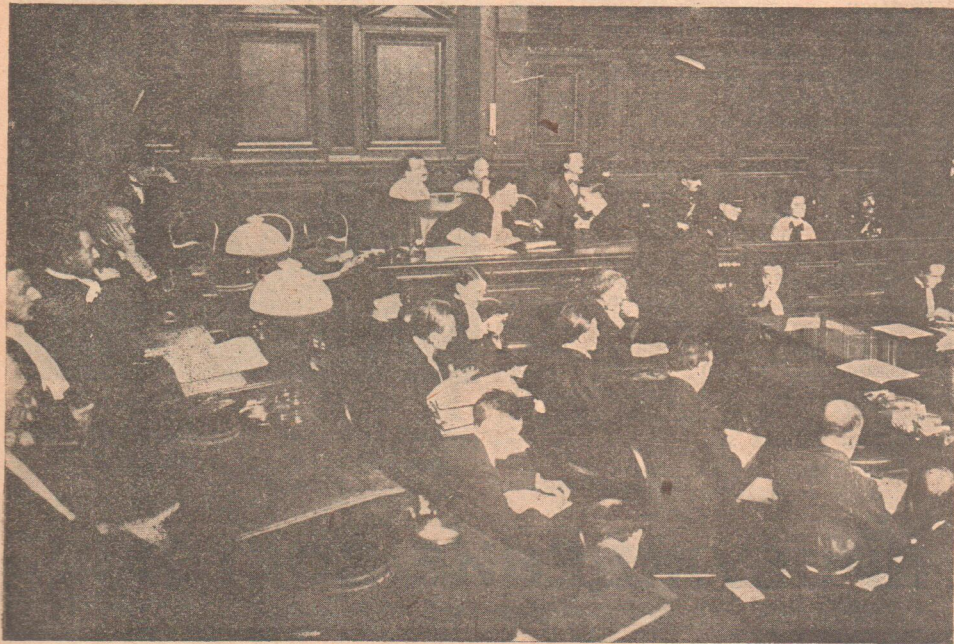

Жермена Бертон.

Даже составленный из закоренелых мракобоев парижский трибунал не нашел в себе мужества осудить представившую перед ним 19-летнюю Жермену Бертон, год тому назад застывшую одного из вождей французской чепотной банды Action «Française». Этот громкий процесс почти на неделю всколыхнул застывшие при режиме Пуанкаре будни французской общественности, вообще чрезвычайно падкой к судебным словосуждениям.

На снимке «Огонька» — Жермена Бертон после более годичного заключения. Рядом «пленум» парижского трибунала, облачающий гонимых для этих церемоний вплоть до адвокатов в средневековые котюмы. Перед судом — пеленуемый Леонид Дод — главный свидетель обвинения и друг убитого Бертон секретаря «Action «Française» Мариуса Плато.

Фот. Дж. Грауденц.

Жермена Бертон — перед «пленумом» парижского трибунала.

— Какая подлость!.. Какое предательство!..

Так шептала Ангарова на бегу.

Потемнело. Куда бежала она: к вокзалу или в обратную сторону?

Спросить не у кого. По пустынным улицам время от времени проносятся военные патрули. Обратиться к ним Ангарова не решается; напротив, при приближении патруля прижимается к стене, старается, чтобы ее не заметили: ведь, у нее ни пропуска, ни вообще какой-либо бумажки все у него, у подлеца!

Она сворачивает с одной улицы на другую, проходит какую-то площадь... Кажется, раньше этой площади не было на их пути... И моста не было. Где она? Куда она попала?

Она сворачивает назад, бежит в обратную сторону. Попадает в какой-то тупик. Выбирается из тупика. Вокруг нее оказы-

Покушение на Клемансо.

На знаменитого «тигра», одного из творцов мировой войны и автора Версальского договора недавно было произведено покушение. Клемансо уцелел и от этого выстрела. Доживающий свои дни 80-летний политикан снят в свой парижской вилле, где он после покушения и предшествовавшего ему двухлетнего пребывания в Египте сейчас поселился.

ваается парк со скамьями, с эстрадой, цветниками, киосками...

Дальше итти нет сил.

Она присаживается, склоняет голову на спинку скамьи, чувствует что впадает в забытие.

— Нет, нет! Бежать! Поспеть! — шепчет она.

Делает усилие над собой, встает, плетется дальше.

В конце концов, падает в изнеможении на траву.

VII.

От горячей ласки полуденного солнца проснулась Ангарова.

Сразу вспомнила все и обмерла от отчаяния.

— Опоздала!.. Отрезана!.. Предана, как все... Хуже всех!..

Встать было тяжело, болела грудь, бо-

Борьба с Версалем.

Фот. Р.-Р.-Н.-S.

Германия продолжает добиваться хоть минимального облегчения каторжных условий Версальского и всех из него вытекающих договоров. Снятый Стольком при выходе из парижского министерства иностранных дел доктор Геш ведет переговоры с Пуанкаре о восстановлении правильных дипломатических сношений

Она покраснела, стиснула губы, ничего не сказала.

После обеда, дядя с племянником пошли в соседнюю комнату, поговорить о делах.

Тетка, поболтав о ценах, о тяжести жизни, о Москве, извинилась и пошла хлопотать по хозяйству.

Ангарова осталась одна. Мысль об оставленных на вокзале товарищах, ни на минуту не выходила из головы. Было не по себе. Начала перелистывать альбом.

Совершенно случайно заинтересовалась разговором мужчин, доносившимся из соседней комнаты.

— Тяжелый год пережили, — говорил дядя. — Теперь, слава богу, конец. Уходят. Вышло лучше, чем я ждал. Я, братец ты мой, умею дела делать. Я заведывал хозяйством большого учреждения. У нас тут в складах и мануфактура, и обувь, и всякое добро. Сам понимаешь, что я от этой комбинации в убытке не буду.

В ответ раздался короткий смех, и веселый голос Пригожева:

— И мы, дяденька, не лыком шиты. Такую комбинацию придумал, что сам собой люблюсь. Вы только представьте себе, дяденька. Организовать «агит-театр», провести во всяких канцеляриях поездку, получить ассигновки, вагоны и поехать прямо «в плен»... А? Ведь, недурно... И масса осложнений. По пути разменять казенные деньги на николаевские, держать ухо востро, приехать сюда в самый день сдачи Города... И при том еще с такой невестой... Ведь, правда, очаровательная девушка?.. Когда мы приедем в Берлин...

Дальше Ангарова не слушала.

Шатаясь, дошла она до дверей.

Вышла на улицу, и здесь сразу бросилась бежать.

От нашего брянского корреспондента.

Туземные музыканты на улице Лхассы.

В Брянске в театре «Металлист» произошли первые советские «крестины». Новорожденным, сыновьям рабочих завода Красный Арсенал дали имена Маркс, Камир (Коминтерн—авангард мировой революции) и Лир локомотив истории—революция. Новорожденные получили подарки—от Губженотдела по куску мануфактуры, от отд. мат. и млад. приданое) бумазевые распашонки, чулки и проч., от юных пионеров костюмы и значки пионеров. «Вместо креста—символа терпения—сказал представитель юных пионеров, обращаясь к новорожденным—мы преподносим значек юных пионеров, с подписью «будь готов». Громкими аплодисментами приветствовал новорожденных, «до отказа» переполненный рабочими и работницами, зал театра.

Наши новые серебряные деньги.

Нарком финансов Г. Я. Сокольников уже объявил в своем докладе на сессии ЦИК, что в ближайшем будущем у нас будут выпущены серебряные монеты. На снимке «Огонька» мы воспроизводим уже изготовляемые на Монетном Дворе в Петербурге монеты достоинством в 20, 15 и 10 коп. На каждой монете видно изображение пятиугольной звезды, а на обороте герб с надписью: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!».

— Исключительная знаменитость, гражданин... Русский самородок-психолог... Удивляться надо. Советую,—и добросовестно берет... 39-й—не спугайте только... «Самородок-психолог» в тридцать девятой квартире сидела в черном манжетам платье от шести и до десяти вечера и ждала посетителей, с утра и до конца занятий то стояла в облезлой шубенке «курьерей Белозерской» в транспортной конторе, то разносила во все концы города под расписку пакеты. Но этого никто не должен был знать,—ни частная транспортная контора, кормившая курьершу, ни те люди с улицы, что берут из рук ее брата—сифилитика белые листочки рекламы: для одних—«курьерша Белозерская» с жидковолосатым подбородком, как у хуторского юноши, для других—«известная всему Петрограду» хиромантка с ястребиными глазами с узким разрезом, обсеянным снизу желтоватыми бородавочными пузырьками—Антонина Григорьевна Белозерская. А после десяти,—вместо черного платья—клетчатая, машинная кофточка,—и уже не хиромантка Антонина Григорьевна, старая, уставшая Тося с застарелой мигренью. Но зато неужен звать, как и многого, что известно только ей одной—Тосе. Когда они вдвоем, Глеб иногда роется в прошлом, роется, словно вырывает уцелевший во рту пеньек, пахнущий, как и он сам, гнилью. — Больно, Тося, подумать, как жизнь предательска. Сын губертора—и не у дел в своей стране—мерзость!.. И ты—гадальщица, милости голода, и прислуга какая-то... Кто мог подумать... Тосе жаль брата—когда-то проигравшего в карты и казенные деньги, и карьеру, да, вдобавок, ставшего венериком после ухода от него легкомысленной жены—Анны. О себе Тося никогда ни с кем не говорит и с братом—тоже; после одного случая, когда напомнил, озлобившись слюняво: — Молчала-б ты... старая дева!

С шести, как и по объявлениям, хиромантка принимает. Сидит у себя в кресле за круглым столиком с бархатной скатертью, а на ней карты—плотные, рубашкой вверх. Карты с какими-то значками и цифрами. ...Сидит и ждет, а рыжеусый гнойничковый Глеб отворяет каждый раз дверь из прихожей, докладывает, будто на службе: — К вам, Антонина Григорьевна. Принять прикажете?

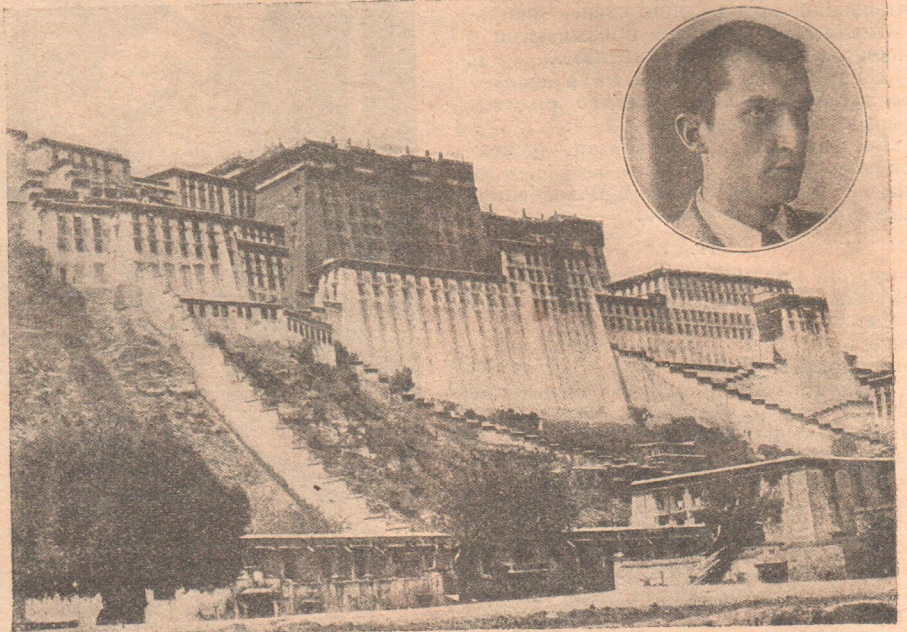
Тибет и Далай-Лама.

Самоотверженный английский путешественник Мак-Гуверн недавно проник в запретную для всякого европейца столицу Тибета Лхассу и был даже принят Далай-Ламой. Мак-Гуверн проник туда переодетым но, несмотря на всяческие ухищрения, попал в тибетскую тюрьму откуда выпутался лишь благодаря ряду хитростей, а также помощи преданных ему туземных проводников.

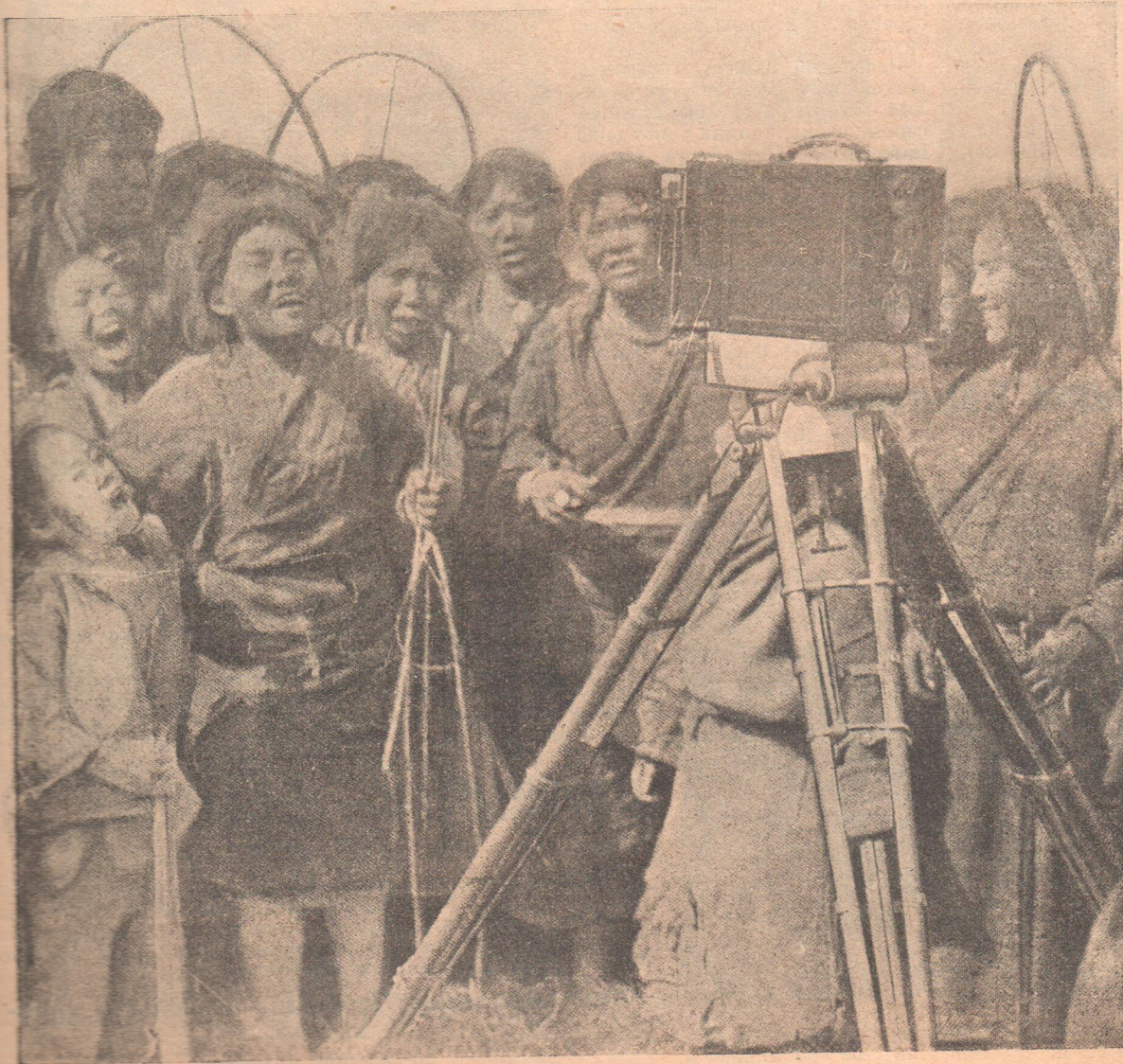
Интерес отрезавшего себя от всего мира Тибета к европейцу был так велик, что даже окруженный невероятным количеством стен и стражей «наместник будды на земле» его святейшего Далай-Лама захотел увидеть путешественника и впервые позволил ему себя снять.

Первый в мире снимок Далай-Ламы.

Потала—дворец Далай-Ламы. В кружке—сам путешественник Мак-Гуверн.

Жители Лхассы, подданные Далай-Ламы, перед невероятной диковинкой—кино-аппаратом Мак-Гуверна.

Об отсутствующих узнаю по фотографическим карточкам и по почеркам. Предупреждаю несчастные случаи и даю совет по устройству семейных и прочих дел.

Плата доступная. Прием с 6 и до 10 вечера, в воскресенье—с 12-ти часов дня.

Во дворе, направо, последний подъезд, кв. 39.

А чтоб не ошибиться прочитавшему, — синим карандашом подчеркнуты в разбивку слова:

Прошу не мешивать с гадалкой в кв. 10.

И такие-же листочки раздает часто у дома на Загородном мужчина с провалившимся широконоздренным носом, в мешковатом пальто до самых пят и со свисающими двумя рогами-усами как у голевского Бульбы Сует молчаливо проходящим в незанятые руки. Сует, не говоря ни слова, как будто боясь показать изпод рыжих усов почти выкорчеванный болезью рот—в язвочках, протухший.

И, если только кто заинтересуется и спросит, — рыжеусый мужчина зашевелит рогами и языком выдавит по гнойничкам десен:

ровалившимся носом,—сжали слова мантки, угадавшей по виду.

Верно изволили сказать... Посовещаться пришел по неприятному-с дель-

одумала: «не лицо, а окорок; хам асный». Сказала:

Вам по руке или по научным картам?... Было-б, сударыня, хорошо—и по и по другому: очень уж неприятное

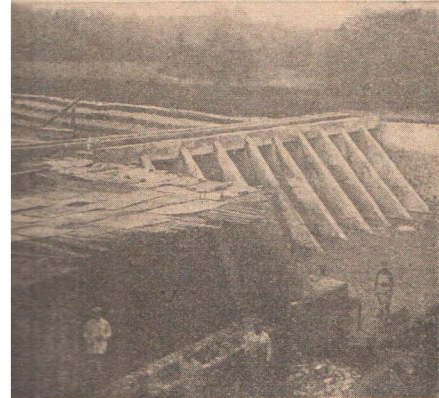
це вышло... Особенно надобно по науч-

картам: рука, знаете-ли, хе-хе... по-

да линии от работы, перепутались

от с такого взять по-больше—заплатит,

лектричество в деревне.

20 верстах от Москвы, близ станции Бикино, Савеловской ж. д., в селе где уже с 1922 г. строится Мысовская электрическая станция. Эта постройка должна использовать энергию па- реки Клязьмы, оживив целый ряд заводов и предприятий. Главнейшее значение имеет—в области приложения ее энергии для сельского хозяйства. Она является первым в своем роде «деревенским» источником электричества и послужит прообразом для проектируемых в будущем многочисленных и могучих производств электротехники и агрономии станций. На Мысовке идет монтаж 2 турбин, использующих течение Клязьмы и вращающих энергию до 200 лошадиных сил. Сто тридцать киловатт-часов электрического тока перерабатывается до напряжения в 6.000 вольт. Энергия осаждается крестьянами, жителями получать от Мысовки свет и тепло. «Все деревня освещена», говорится в вышедших из этих заведений, «и только в зимние вечера свет даст 2.000 крестьянских семейств. Энергия приводит в движение сотни машин и дает возможность в этой местности производить шерсть, масло, терочное, паточное, и другие продукты. Работы по установке турбин.

Открытие мемориальной доски рабочим Красной Пресни, с указанием расстрелянных в 1905 году царем.

не разорится,—и хиромантка, из тридцать девятой квартиры, говорит и тонкими пальцами хрустит по картам:

— По научным—дороже. С вас—пять миллиардов.

— Ладно-с! Только по научному, сударыня: у нас наука всегда в почете... У меня-с профессор один забирает всегда провизию—даем в кредит... Хе-хе...

...А утром хиромантка забирает в портфель отношения и пакеты, сует все в шубку, разносит по разным учреждениям, к шести семенит к дому с наклеенной лентой из постаревших белых бумажек над навесом кавказского погребка.

Хиромантке не узнать самой про судьбу своего, как не узнать и тем, что в судьбу верят,—что есть хиромантка.

А с людьми случается иногда так путанно, что думают—судьба вмешалась. Ибо «судьба»—слово—и есть путаница в людских умах, и объяснить всего—никто не сумеет.

И к Антонине Григорьевне Беловерской, к старой Тосе с пупыршками под глазами с узким разрезом—привалила своя судьба, увидав бумажки у ворот дома, где жила хиромантка-психолог «известная всему Петрограду».

С утра в то воскресенье стоял человек с рогами-усами на Загородном, совал

Нравы культурной Америки.

«Исполнится воля закона!», пишут американские газеты, и горбатого, несчастного старика Артура Ковеля, бывшего из ревности свою золовку волокут подмышкой к орудию цивилизованной казни—электрическому стулу. Рядом—портрет тринадцатилетней Фриды Дентон, приговоренной к пятнадцати годам каторги за мелкую кражу.

Наш, дивляющийся американскую и европейскую юстицию, уголовный кодекс за первое из указанных преступлений карает тремя годами, за второе—может малолетнего и совсем не наказывать.

Александр Неверов.

Посмертная автобиография скончавшегося писателя.

Неверов (Скобелев) Александр Сергеевич. Родился в 1886 году, 20 декабря, в селе Новиковке, Самарской губернии, Ставропольского уезда. Отец был приписан к мещанам г. Симбирска, мать—крестьянка неграмотная. Занимались они земледелием. Отец был грамотным, служил унтер-офицером лейб-гвардии Семеновского полка в Петербурге. Впоследствии бросил крестьянствовать, ушел в город. Я родился и вырос в семье деда, по матери, у отца совершенно не жил, и в городских скитаньях с ним не участвовал. Грамоте выучился очень рано, кажется, на седьмом году—самоучкой от старшего брата, который ходил тогда в церковно-приходскую школу. Лет семи или восьми я тоже поступил в церковно-приходскую школу и учился у дьячка три зимы. Кончил ее, по тому времени, хорошо, умел читать, писать и читал разные книжки из приложений к журналам: «Нива» и «Родина», которые выписывали в нашем селе богатые крестьяне, братья Поленовы. Прочитал случайно и «Путешествие капитана Гаттераса», которое разыскалось в книжках отца. Всего теперь не помню. Лет одиннадцати—двенадцати начал писать стихи, совершенно случайно, и писал их лет до восемнадцати, не зная самых элементарных правил стихосложения. Стихи складывались сами собой, конечно, с «рифмой». Думал заняться крестьянством, любил работать в поле: пахал, жал, косил, молотил. Потом потянуло на магазинную службу. Бегал с месяц мальчишкой в галантерейной лавке в торговом селе Старая-Майна у купца Никифорова. Ушел оттуда—не понравилось. Поступил мальчишкой в мануфактурный магазин купца Березина в Посаде—Мелекессе, за сорок верст от родного села. Пробежал год—тоже не понравилось. Познакомился в это время с одним поэтом крестьянином-самоучкой Денисовым, который печатал свои стихи

в Петербургском «Сельском вестнике». Разжег он мои поэтические страсти, внушил мысль, что мне нужно учиться.

Александр Неверов.

Осенью в 1903 году я бросаю магазинную службу, поступаю в первый класс Озерской второклассной церковной при-

ходской школы на стипендию. Через три года становлюсь учителем школы грамоты, получаю жалованья 10 рублей в месяц и в этом звании прошло у меня около шести лет по разным глухим деревушкам Ставропольского уезда.

Потом служил земским учителем до 1915 года. В 1915 г. был мобилизован, как ратник ополчения второго разряда. В военных действиях не участвовал. После Октябрьской революции учительство бросил, служил в Самаре. В 1922 г. переехал в Москву и теперь занимаюсь исключительно литературной работой.

Первый мой рассказ «Горе залили» был напечатан в Петербургском журнале «Вестник трезвости» в 1906 г., когда я был еще учеником третьего класса Озерской второклассной школы. Потом печатался в журналах: «Русское богатство», «Современный мир», «Жизнь для всех», «Новый колос» и др. В 1919 г. на всероссийском конкурсе в Москве мои рассказы: «По новому» и «Случай из жизни Саньки маляра» получили третью премию. А в 1920 г. на всероссийском конкурсе Госиздата моя пьеса «Бабы» получила первую премию и в этом же году на всероссийском конкурсе ТЕО мои пьесы: «Захарова смерть» и «Гражданская война», социальная драма массового действия, получили вторую премию. Изданы следующие книги моего сочинения:

«Бабы»—пьеса в 4-х д., «Захарова смерть»—драма в 4-х д., «Смех и горе»,—комедия в 3-х д., «Гражданская война»—пьеса в 2-х картинах, «Женское засилье»—пьеса в 1-м д., «Молодые побеги»—детская пьеса в 1-м д., «Поросенок» — рассказы,

Фот. О. Шмидт.

зы, «Марья-большевичка»—рассказы, «Новый дом»—рассказы, «На земле», — рассказы, I том, «Лицо жизни»—рассказы 2-й том.

Готовятся к изданию: «Гуси-лебеди»—роман, 3-й т. Повести и рассказы 4-й том.

Ал-др Неверов.

Похороны А. С. Неверова в Москве.

И выходит у него это так правильно, будто всю жизнь «докладывал» о господах пришедших.

И пальто или шубу помогал сбрасывать, а когда уходили, ждал чаевых швейцаром. Давали, отвернув лицо от провалившегося носа с широкими ноздрями.

— Вам по руке, или по научным картам?..

Девушка,—любопытная, боится узнать все о себе (а вдруг смерть скоро), сжалась от любопытства и от того, что сердце молодочками выбивает.. Советовали сослуживцы пойти...

печки у изначальца безымянного пальца?.. Чего у вас дрожит так рука, милая?.. Вытяните ее больше, вот так... Характер у вас—мягкий, доверчивый... Линия жизни, вот, видите, куда заехала?.. Хорошо!.. И любить будете без измен...

Видано-ли, чтоб ястребиные глаза и гробница-платье вешали солнце, только солнце?.. Сегодня вешают девушке,—как захотела хиромантка.

И уходит зарумянившись, девушка с подушками у изначальца безымянного пальца левой руки.

— К вам, Антонина Григорьевна... Прикажете принять?

намордник, со свиными глазками. Говорит, будто гладит свою клочковатую бородку,—уверенно, с раскатцем в голосе, на «о».

— Безносый-то ваш капельднер, сударыня,—признак негойий-с! Всяк магазин по вывеске знается... А ваше дело, что магазин, и капельднер—вроде вывески... Поверьте!..

Несчастный Глеб... Хиромантка бросает в отместку и в глаза свиные, и в отвислый намордник, и в кровяные гилки на лице—злое, ушибившее своей гадалочьей тайной:

— Вы, гражданин, по делу о риске своего предприятия пришли, предупредить несчастный случай?!

„Шехерезада“ в Московском Большом театре.

Очерк Г. И. Геронского.

Форпост реакционной театральщины, застоявшееся озеро, блестящий балет Академического Большого театра проявляет последнее время признаки неожиданной резвости. Дыхание волюции, ломка старого искусства не шадят танцевального поведника. Скрепя сердце, боясь прослыть отсталыми,— тут на уступки директора академических балетных фабрик; они прекрасно сложенных с малолетства установленных человеческих машин, мало-по-малу получают право дышать на сцене, играть не для музейных зарисовок, не для ценителей из старых трех рядов.

Прошлогоднее «Каприччио», вчерашняя «Шехерезада» показывает, что превращение Большого театра в склад удивляющих только иностранцев ценностей успело уже кое-кому надоесть. На сцене — *конструктивная площадка*; Рейзен, Смольцов и Жуков больше чем всегда гонятся за двухстолетними эффектами избитых классических движений. Конечно, все это невдержанно; —рядом с площадкой сохраняется аляповатый дворец из декорационных досок 60 гг., танцоры делают тысячи неоправданных, неэффективных, неосмысленных движений. Подвиг постановщика, рискнувшего в этих заплесневевших хорах открыть одушину для жизни революции, нашел мало подражателей, рассосался, не был доведен до конца.

Не получили также оформления историческая и музыкальная формы этого дерзания. «Шехерезада» подана, как поэма восточ-

Группа главных исполнителей «Шехерезады». В первом ряду сидят М. Рейзен и зав. электротехн. станцией Большого театра. Во втором ряду—Г. Сидоров, режиссер спектакля Л. А. Жуков, худ. Са.егин и Л. Лащилин.

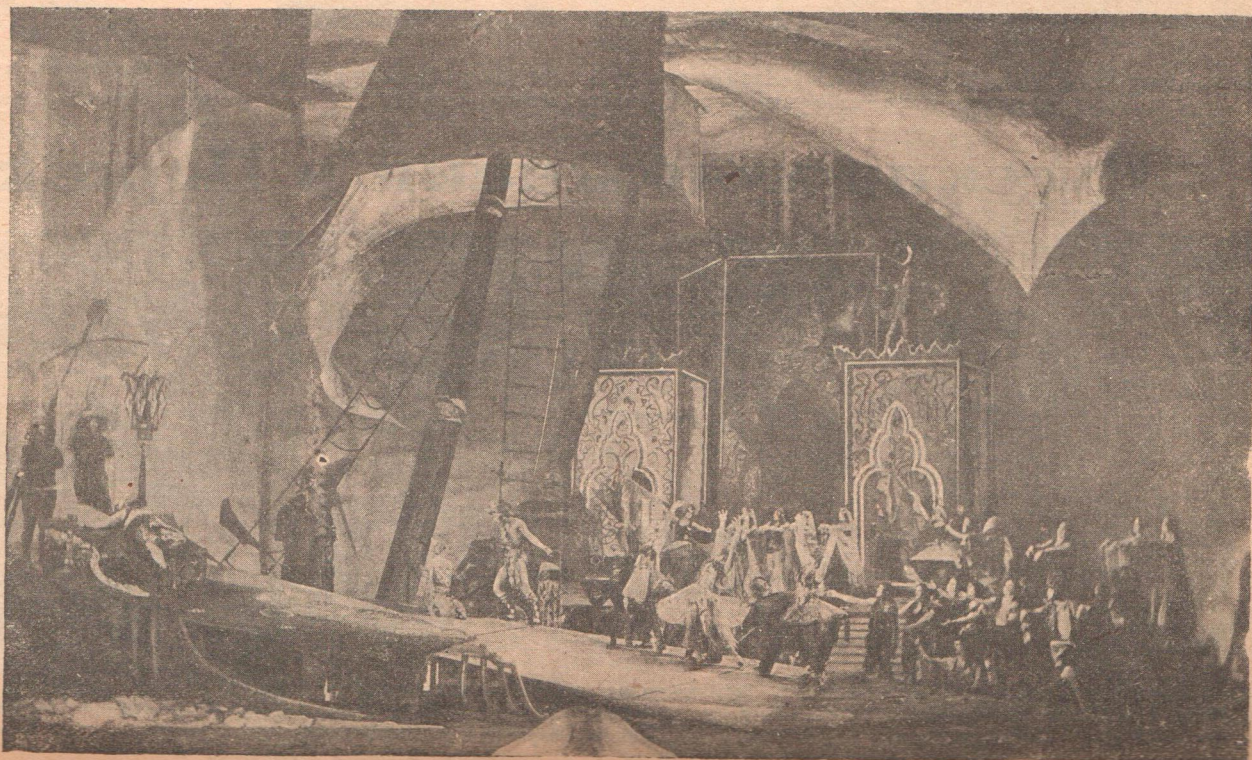
Сцена из «Шехерезады».

ной медлительности, искусства ничего не делать, жить надоевшими сказками. Режиссер и дирижер не подчеркнули более современных мотивов арабского мифа и музыки Римского-Корсакова. Действительность «Шехерезады», красочный пафос, подвижность первого после Гомера авантюрного романа не были подхвачены.

В остальном—обычный, слаженный, тренированный, лакированный, экспортный спектакль. Богатство постановки, бездна статистов, световые эффекты, позолоченный зал Большого театра, как всегда обрадовали неожиданных такой сохранности императорского наследия и не посещающих передовые русские театры иностранцев, а равно и всех отечественных вздыхателей о «прекрасном» и «сказочном», как эта сцена, прошлом.

Г. Геронский.

а, оглушен-
кричавшей
иной, и не
ько та дру-
—в караку-
с агатами.
ы ш а л а
вшая при-
ая и тот,
ворвался
крик с бри-
по белев-
лицом...
—Ах, ты,
чая... ста-
сволочь!
ты сме-
21. Хиро-
тна тереби-
вп а л у ю
ща под
сердце, а
шь, вырвав-
к прош-
у, была:
брата, за
— все...»
очнулась,
пред
бритого
шка», и не
шка», а...

Сцена из постановки «Шехерезады». В главных ролях—М. Р. Рейзен, В. Смольцов, Л. Лащилин и др.

в руки всем напечатанные каучуком бумажки и гнусавил, если спрашивали:

...— Не спугайте только: в 10-м шарлатанка..

— Русский самородок, гражданин... поверьте!

И сунул, не увидев кому, листочек— даме в каракулях и фетровых обстроченных мехом ботах и с ней мужчине—полному, бритому, в морской «капитанке».

Услышал и обрадовался:

— Зайдем на минуточку... Интересно... Угадывает прошлое и будущее,— пусть скажет мне хоть об одном из них!.. Зайдем, а?!

Смеялись оба, а потом прошли под дворовую арку, где на стене—деревяшка с нарисованной рукой—

«Хиромантка—в кв. 39».

А человек с провалившимся широко-ноздрым носом и мешковатым пальто до пяток бежал, путаясь в полах, к трамваю: напомнить прохожим о психологической хиромантке—русском «самородке».

...Из комнаты, где на круглом столике с бархатной скатеркой лежали «научные карты», а у стола сидела женщина в черном, как жрец,—вышла довольной девушка, гадавшая о милом по фотографической карточке, и пропустила к дверям даму в каракулях и фетровых ботах,— смеявшуюся, нетерпеливую.

И, уже стоя в комнате гадалыщицы, дама крикнула в прихожую:

— Юрик, ты не входи сюда!.. Я сама... Ястребиные глаза вскидывают обычное:

— Вам по руке или по научным картам?..

— По руке, пожалуйста... Деньги вот—нате...!

Она была еще красивой, под каракулями полно дышала грудь, а в ушах агатовые серьги качались черными огоньками, как вынутые темные глаза женщины. А щеки были розовые, но не свои—чужие, краской закрывшие прежнюю свою жизнь

Только щекам розовым и губам с нанесенной на них для задора мушкой—нет дела до той,—своей, прежней; они пьют новую—с отравой последнего хмеля. Хмеля—в морском картузе, в «капитанке».

Та, что сидела, поджидая, у стола,—узнала. Узнала по темным знакомым глазам, по грудномуговору.

Анна!.. Жена Глеба Белозерского, провалившегося после ухода ее и нос и жизнь в гнойничках сифилиса!..

Сказать, разве, крикнуть. Ястребиные глаза клюнули, только не каракуль и агат в серьгах, а себя самое,—хиромантку в глухом черном платье; клюнули и выклевали слабость старой Тоси... А та, другая,—не узнала: стерла краской прошлое.

...— У вас, сударыня, была большая перемена в жизни... Вот, видите: линия жизни у вас не ровная и не сплошная... Вот с этого места и до конца— прерывисто...

И характер у вас неровный...

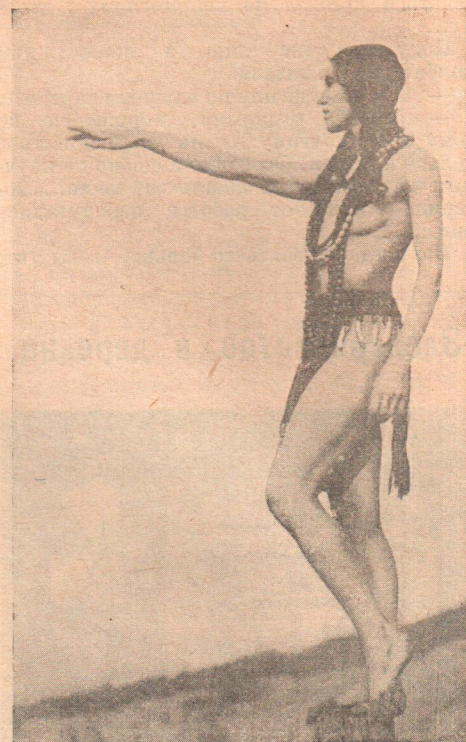
С глазами что-то неладное, недоброе: потеряли ястребиный клюв и воробьиными не стали; в глазах, вдруг, красные капли, без удержу, на—зло:

— Талантов у вас—никаких... душа легенькая!..

И дальше—в клубке спутались красные капли из глаз, и слова, как иглы—острые, колючие...

...— И сами вы—падшая женщина: были, есть и будете... Слышите?... Убежали от мужа, убили всю жизнь!.. Тварь!.. Слышала уже

Стремление к самобытному танцу

Вылощенное балетное искусство, танцевальные подделки под всякого рода экзотику успели уже надоесть европейскому зрителю. Лондон, Париж и Нью-Йорк интересуются сейчас самобытным туземным танцем гораздо больше, чем даже нашумевшим русским балетом. Яванская танцовщица Така-Така и «настоящие» негры пожинают бурные аплодисменты и восторги пресыщенного Запада.

Наш снимок воспринимает еще одну восходящую знаменитость этого жанра, индейскую танцовщицу Рони Робертс, выступающую под именем «Пурпурный рассвет». Прибыв после столичных триумфов в свою родную Калифорнию, танцовщица идет при 20-ти градусном морозе купаться в реку.

Берлинский кино-балет.

Фот. P.-P.-N.-S.

В грандиозном ателее у берлинского Зоологического сада производится сейчас съемка балета «Колибри», со знаменитой Осси Освальда, героиней, имевшей такой успех в Москве «Принцессы устриц»—в главной роли. Съемка балета идет на настоящей сцене в сопровождении специально написанной музыки. Сюжет балета—игрушечно фривольный и рассчитан на немногие тысячи темных спекулянтских жем, которым уже успели надоесть серьезные исторически-мистические шедевры германской кинематографии. Наши фотографии

Виктор Долидзе.

В. Долидзе, молодой грузинский композитор, прибывший в Москву обратил на себя внимание постановкой оперы «Кето

Какие лица пригодны для кино?

Очерк М. Смелянова.

В России фабрикуют очень мало киноартистов. Все производственные фирмы, занятые в текущем году съемками, сняли

где не было бы киноматографической студии.

Что заставляет молодежь идти в киностудию? Желание играть в кино—увечевечить себя на экране хотя бы в одной только картине. Ведь фильму, а следовательно и актеру, играющего в ней, может видеть не только родной город, но весь мир. Желание играть для вечности, для всего мира так сильно, что молодежь переполняет киностудию какого-нибудь города, где съемки немислимы, где шансы на то, чтобы играть для экрана не равны даже одному проценту.

Кино капризно и принимает далеко не каждого. Не все лица выходят четко на экране. И ученик кино-студии, даже очень способный и старательный, может оказаться совершенно негодным для кино. Ученика от этого фиаско может спасти отбор руководителями студий при начале занятий, тщательная проверка черт лица, предварительная съемка. Все это делается редко. Во-первых, киностудии—предприятия коммерческие и их руководители не хотят терять платных учеников. Во-вторых, руководители студий, и не только провинциальных, но и столичных, большей частью сами мало знакомы с практической киноматографией и им трудно определить пригодность того или иного лица к съемкам. А приглашение кино-аппарата для экспертизы они считают умалением собственного авторитета.

Запад далеко шагнул вперед в деле подготовки для кино новых кадров. Америка имеет школы, являющиеся настоящими фабриками кино-артистов. И туда не принимают ни одного человека, лицо которого не может выйти на экране. Американские режиссеры создали целую теорию о пригодности лиц для экрана. Но и там бывают ошибки. Кино очень капризно. Теоретически вполне подходящее лицо оно может сделать плоским и невыразительным. И наоборот, совсем не подходящее лицо оно может на практике оказаться наиболее ярким и выпуклым на экране. Но это—немногие исключения, которые только подтверждают теорию.

Какие лица выходят на экране? Читатель, не знающий законов кино, уверен, что это должны быть обязательно красивые лица. Конечно, желательно и всем приятно, чтобы лицо актера, а в особенности актрисы экрана было красиво. Но не всякое красивое лицо выйдет хорошо на экране. И некрасивое лицо может часто на экране быть лучше и приятней красивого. Экран не требует ни красоты, ни подобранности черт лица, а—скульптурности. Хорошо выходят лишь те лица, которые скульптурны, по чертам которых прошел будто бы резец ваятеля.

Скульптурность лица выражается в выпуклости, очерченности, а часто и подчеркнутости тех или иных черт лица. Это доказывает фотография заgrimированного

Чарли Чаплин, безусловно хорошо выходящий на экране.

не больше двадцати фильм и во всех этих фильмах занято не больше двухсот актеров. Но, нет крупного города в России,

Лицо, выпукло выходящее на экране.

Лицо, живо выходящее при съемке.

актера. Экран же не воспринимает грима. Кино требует естественности. Нельзя куском краски сделать выпуклы мало очерченные черты. На экране грим получается подобно чернильному пятну, расплывшемуся по физиономии.

Точнее: для того, чтобы хорошо выйти на экране, нужны выдающиеся черты лица. Это не значит, что они должны быть обязательно крупны. Мелкие черты лица также могут быть выпуклыми, выдающимися, и тогда они хорошо и ярко выходят на экране. Это бывает не очень часто. Необходимую скульптурность в большей мере дают крупные черты лица. Большой нос, не всегда красивый в жизни, дает на эк-

Красивое лицо, непригодное для съемок.

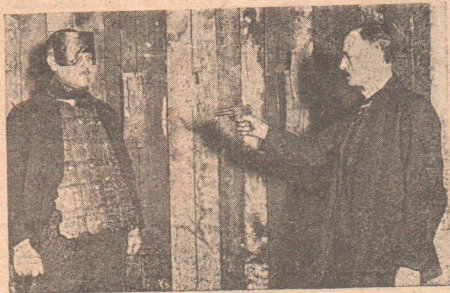
Лицо, мало выразительное на экране.

ране более живое впечатление о человеке. Резко очерченный рот с крупными губами на экране более жизненен. Большие глаза— более выразительны.

Из известных кино-актеров большинство красивей и интересней на экране, чем в жизни. Возьмем Мэри Пикфорд, лучшую мировую кино-актрису, американку. В жизни она миловидна. У нее не крупные, правильные черты. Но зато скульпторность ее лица необыкновенна. Ее небольшой, ровный нос поднят к лицу не под обычным углом, а будто бы скульптор, высекая фигуры из мрамора, слишком глубоко ударил резцом по мрамору. Ее скулы, совершенно ровные, делают значительный изгиб над ухом. Поэтому на экране Мэри Пикфорд—первая красавица и лучшая актриса.

Новые изобретения.

Фот. Дж. Грауденц.

Панцирь от пуль всех систем, недавно усовершенствованный и после многих месячных опытов признанный совершенной защитой при выстрелах с любого расстояния.

В противоположность Пикфорд, знаменитая русская актриса Вера Холодная была красива в жизни и экран не совсем верно передавал ее черты. И поэтому, оставаясь красивой и на экране, Холодная не могла передать мимики и жизненных настроений на экране.

Знаменитая ит-льянская актриса Франческа Бертини не красива. На экране же, благодаря исключительной скульптурности лица, резкой очерченности крупных черт его, она красива и эффектна. Также самое можно сказать и о знаменитой германской актрисе, Поли Негри.

Лицо, хорошо выходящее при съемке.

Актеры не отличаются от актрис. У Дугласа Фербанкса—невзрачное и некрасивое лицо сорокалетнего, самодовольного янки. Это не мешает ему быть на экране красавцем и героем, благодаря тому, что у него резко очерченный, скульптурный овал лица и остальные черты равняются по овалу.

Знаменитый Чаплин тоже замечателен лишь потому, что природа оделила его необычайно подвижным лицом с овалом, резко суживающимся к низу.

Некрасивый русский актер И. Н. Худолеев, благодаря резкой очерченности и крупным чертам лица, выигрывает на экране. А эффектный в жизни В. В. Максимов, на экране дает лишь мелкие, нервные черты лица.

М. Смеляков.

Новые изобретения.

Фот. Дж. Грауденц.

Шифровальная пишущая машина, механически шифрующая телеграммы и немедленно перепечатающая их на радио-аппарат, распространяя их оттуда по любому назначению. Машинкой достигается полная секретность и точность зашифрования.

Издатель: „Мосполиграф“.

Редактор: Мих. Кольцов.

Универсальный базар.

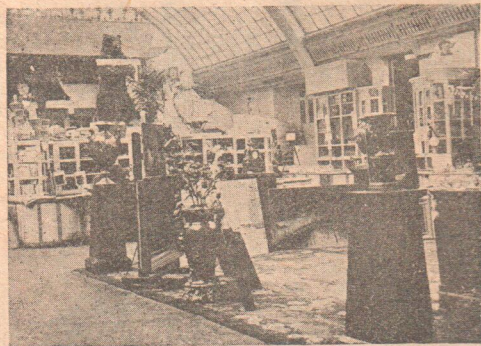

Внутренний вид кузнецкого Универсального базара «Pittoresque».

«Pittoresque» открыт 10-го ноября п/г. на Кузнецком Мосту в доме №5/9, ныне лишь восстановленным, заново отремонтированным и устроенным в Европейском стиле.

Колоссальное, светлое, отопляемое здание имеет 30 отделов различных отраслей торговли, крупных фирм, лучших товаров русских и иностранных марок.

Здесь же открыт кафе-ресторан, торговля производится в течение дня, без перерыва на обед, от 11 утра до 7 ч. в. ч. ра. От 4-х часов вечера до закрытия во время торговли играет салонный оркестр. Означенный базар является в своем роде единственным не только в Москве, но и в России.

Внутренний вид кузнецкого Универсального базара «Pittoresque».